

***КРОТОВА Дарья Владимировна**, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автор 18 научных публикаций**

РОМАН «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА А. ПЛАТОНОВА 1920–1930-х годов

В статье исследуется общая проблематика романа А.П. Платонова «Счастливая Москва», а также характер представления в этом произведении одной из главных тем платоновского творчества – темы счастья. Автор статьи анализирует трактовку этой темы в «Счастливой Москве» и сравнивает ее с трактовками в других крупных произведениях Платонова, прежде всего «Чевенгуре» и «Котловане». Если в текстах рубежа 1920–30-х годов Платонов размышляет о том, насколько возможны и допустимы рациональные модели построения нового счастливого общества, то в «Счастливой Москве» в центре внимания оказывается идея органического течения жизни. Обосновывая данное положение, автор статьи уделяет особое внимание раскрытию характера главной героини романа – Москвы Честновой. Образ Москвы также анализируется в контексте платоновского творчества 1920–30-х годов, исследуется не только его значение в системе персонажей романа, но и соотношение с персонажами других крупных платоновских текстов этого периода, а также русской литературной традицией предшествующей эпохи. Автор статьи доказывает, что определяющими свойствами характера и сознания Москвы Честновой являются именно способность к восприятию органики жизни и чувство причастности к общему жизненному потоку, что и позволяет героине ощущать себя счастливой в любых жизненных обстоятельствах. Основная идея статьи подтверждается посредством анализа лейтмотивной системы романа: выявлен круг лейтмотивов «Счастливой Москвы», исследованы их роль и значение в раскрытии идеи романа, а также семантическое наполнение некоторых лейтмотивов в творчестве Платонова в целом.

Ключевые слова: А. Платонов, «Счастливая Москва», «Чевенгур», «Котлован», тема счастья, лейтмотивная система, социальная проблематика.

*Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 53; e-mail: da-kro@yandex.ru.

Для цитирования: Кротова Д.В. Роман «Счастливая Москва» в контексте творчества А. Платонова 1920–1930-х годов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 6. С. 120–127. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.120.

Роман «Счастливая Москва», над которым А. Платонов работал с 1932 по 1936 год, является, с одной стороны, органичным продолжением круга идей и образов платоновских текстов рубежа 1920–30-х годов, а с другой – представляет собой новый этап творческого развития писателя, поскольку проблематика произведений предшествующего периода осмысливается здесь во многом иначе.

Роман продолжает размышления писателя над одной из главных тем его творчества – темой счастья, которая играла особенно значимую роль в предыдущих крупных текстах Платонова – «Чевенгуре» и «Котловане». Можно признать, что оба эти произведения посвящены проблеме поиска счастья и возможности его обретения, причем тема счастья связывается здесь прежде всего с социальным аспектом: счастье – это новое общество, это приход «коммунизма». На его поиски отправляется Саша Дванов; «революцию в нетронутой героической категории»¹ хочет сохранить в своем «заповеднике» Максим Степанович Пашинцев; утопическое общество всеобщего счастья пытаются построить в своих коммунах и Игнатий Мошонков (переименовавший себя в Федора Достоевского), и, конечно, сами чевенгурцы. В «Котловане» тема счастья также связана с социальными смыслами: на «вечное счастливое поселение» должны были войти в общий Дом все пролетарии и зажить там новой счастливой жизнью.

Безусловно, социальная грань в понимании темы счастья в «Чевенгуре» и «Котловане» предстает в специфической платоновской трактовке. Однозначно определить «Чевенгур» и «Котлован» как размышления на социальную тему было бы ошибочно: ведь тот коммунизм, который ищут Саша Дванов, Пашинцев, «Достоевский» или чевенгурцы, – это не по-марксистски понятая общественно-экономическая формация, а некий смутно ощущаемый

платоновскими персонажами идеал счастливой и справедливой жизни, поиск чуда, исконно присущий русскому национальному сознанию, попытка обрести Царствие Божие на земле. И все же социальная грань (пусть и в своеобразной интерпретации) в представлениях героев «Чевенгура» и «Котлована» о счастье несомненно присутствует.

Роман «Счастливая Москва» также посвящен теме счастья, что подчеркивается уже названием. Герои романа тоже стремятся к новой жизни, они, как часто у Платонова, «изображены в своем порыве к счастью» [1, с. 232]. Связан ли здесь поиск счастья с социальными смыслами, как в «Чевенгуре» или «Котловане»? Да, эта грань присутствует в содержании романа: все произведение – о новом обществе, о новой Москве, молодой стране, где, по словам героини романа, «все равно социализм настанет!»² Но при сравнении «Счастливой Москвы» с предшествующими текстами Платонова очевидно, насколько более значимыми оказываются в этом произведении универсальные, бытийные смыслы по сравнению с социальными. Роман представляет собой в значительно большей степени размышление о счастье вообще, его возможности и достижимости.

Как понимается счастье в романе? Прежде всего, как умение почувствовать, ощутить органику жизни. «Мне хочется жить обыкновенно со счастьем. Вдобавок нечего сказать»³, – пишет школьница Москва Честнова в своем сочинении. Это первое размышление о счастье на страницах романа – пусть выраженное в наивной, по-детски непосредственной форме, но наполненное глубоким смыслом. Счастье – это сама жизнь с ее обыденным течением, счастье – «жить обыкновенно», уметь почувствовать себя органической частью общего жизненного потока. Москва-школьница выразила эту мысль точно и ярко, пусть и по-ребячески прямолинейно.

¹Платонов А.П. Чевенгур. М., 2004. С. 141.

²Платонов А.П. Счастливая Москва: роман, повести и рассказы. М., 2010. С. 629.

³Там же. С. 600.

Через несколько страниц автор рассказывает о жизнеощущении взрослой Москвы Честновой, которой кажется, что ее частное, индивидуальное существование растворено в общем «согревающем течении жизни»: «...она чувствовала в уме происхождение различных дел и мысленно принимала в них участие; в одиночестве она наполняла весь мир своим вниманием и следила за огнем фонарей, чтоб они светили, за гулками равномерными ударами паровых копров на Москве-реке, чтоб сваи входили прочно в глубину, и думала о машинах, день и ночь напрягающихся в своей силе, чтоб горел свет в темноте, шло чтение книг, молотась рожь моторами для утреннего хлебопечения, чтоб нагнеталась вода по трубам в теплый душ танцевальных зал и происходило зачатие лучшей жизни в горячих и крепких объятиях людей»⁴.

Для героев «Чевенгура» и «Котлована» на первом плане – идея переустройства жизни, сознательной переделки мира, стремление построить счастливое общество на рациональных основаниях. Автор раскрывает перед читателем бесплодность и драматические последствия этих попыток. В «Котловане» идея рационального строительства счастливого будущего приводит к жестокому и бессмысленному труду и страшному финалу, в «Чевенгуре» тоже показан трагический исход подобной попытки устроить всеобщее счастье: в коммуне «Чевенгур» оказываются полностью разрушены нормальные человеческие взаимоотношения, а способом достижения справедливости и всеобщего равенства становится убийство – физическое уничтожение «буржуев» и «кулаков». Рациональные основания и схемы, пусть даже самые справедливые в теории, на деле оборачиваются страшными последствиями.

На рубеже 1920–30-х годов Платонов все дальше уходит от схем и приходит к осознанию ценности органического начала мироустрой-

ства: «...литература этого времени уже накапливает силы для того, чтобы противопоставить рационалистическому упрощению мысль о сложности, неисчерпаемости и суверенности человеческой личности» [2, с. 140]. И роман «Счастливая Москва» с его размышлениями о счастье как органике жизни доказывает это, как нам представляется, особенно ярко и красноречиво.

Конечно, рациональный компонент в романе не отвергается вовсе, ведь и сама Москва Честнова участвует в сознательном строительстве новой жизни, и другие персонажи романа обуреваемы пафосом устройства нового прекрасного завтра. Достаточно вспомнить Самбикина, который стремится именно сейчас и во что бы то ни стало приблизить наступающее всеобщее счастье: он не спит по ночам, «желая предпринять что-нибудь немедленно», среди ночи звонит в институтскую клинику, где работает хирургом, и спрашивает, «есть ли сейчас срочные операции, он будет ассистировать. Ему отвечали, что есть. <...> Самбикин выбежал на московскую улицу»⁵. Можно вспомнить и Сарториуса, который все свои силы, душевные и интеллектуальные, весь свой незаурядный талант направляет на устройство будущей жизни, справедливо и правильно организованной. По замечанию исследователя, «герои “Счастливой Москвы” – действительно “новые люди”, строящие новую жизнь в самом сердце новой страны, куда так стремились прежние платоновские странники» [3, с. 351]. Но все же на первом плане для Платонова при размышлениях о счастье оказывается не пафос рационального переустройства жизни, а совсем иное – умение видеть, понимать и чувствовать мир. Москва Честнова наделена этим даром в полной мере: она «желала быть везде соучастницей и была полна той неопределенностью жизни, которая настолько счастлива, как и ее окончательное разрешение»⁶.

⁴Платонов А.П. Счастливая Москва. С. 610.

⁵Там же. С. 619.

⁶Там же. С. 661.

Москва обладает тем, что Л.Н. Толстой в «Войне и мире» называл «умом сердца», – чуткостью, отзывчивостью по отношению к жизни. Москва Честнова глубоко и верно чувствует и людей, и происходящее вокруг, но не потому, что наделена аналитическим даром или способностью к рефлексии. Москва вообще не склонна к анализу и логическому осмыслению происходящего, она не любит думать – и это отличает ее от многих других платоновских персонажей, ведь героям Платонова вообще свойственен интеллектуальный поиск. Пусть они мыслят крайне своеобразно, по-платоновски, пусть логика их размышлений часто парадоксальна, но так или иначе они всегда размышляют и рефлектируют.

Достаточно вспомнить Вощева, которого уволили с производства за то, что он «думал»: «Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства»⁷. В увольнительном документе Вощеву написали, что он «устраняется с производства вследствие <...> задумчивости среди общего темпа труда». Размышляющими персонажами наполнен и «Чевенгур»: Саша Дванов, Пашинцев, Игнатий Мошонков (он же «Федор Достоевский»), у которого дома хранится целая библиотека, но, как сказано в романе, книги «его не утешали, и Достоевский думал лично сам»⁸. Характерным примером является рассказ «Усомнившийся Макар», в самом названии которого звучит мысль о том, что Макар – персонаж думающий и сомневающийся.

Москва Честнова же не рефлектирует, а живет так, как подсказывает ход самой жизни, который ощущается героиней романа удивительно чутко. В Москве очень сильно интуитивное, эмоциональное начало, она руководствуется только движениями своего сердца – и в работе, и в отношениях с окружающими, и в любви. Привлекая к себе людей, влюбляя в себя мужчин (часто не намеренно, не желая того), Москва потом оставляет их. Однажды, поцеловав спящего мужа в лоб, Москва просто уходит

из дома навсегда. Потом оставляет влюбленного в нее Виктора Божко, потом Семена Сарториуса... Это не жестокость, не бессердечие. Это открытость жизненному потоку, который часто идет прихотливо, непостижимо, и Москва просто следует естественному движению жизни, не раздумывая и не стараясь ограничить мир своих эмоций какими бы то ни было рациональными рамками.

Образ Москвы Честновой заставляет вспомнить о героинях русской классической литературы – прежде всего, о женских образах Бунина, например об Оле Мещерской из «Легкого дыхания» с ее богатым и тонким, но столь прихотливым и изменчивым миром чувств, с ее готовностью слушать свое сердце и следовать не рассудочной логике, а эмоциональным импульсам. Не случайно Москва Честнова смутно помнит, что ее отец, умерший, когда она была еще маленькой девочкой, называл ее Олей. Наверняка это имя возникает в контексте платоновского романа не случайно (при всех несомненных и глубочайших различиях в видении и восприятии женского образа Буниным и Платоновым).

Именно дар ощущения жизненной органики, которым столь щедро наделена Москва Честнова, позволяет ей чувствовать себя счастливой, несмотря на то, что внешние события ее жизни складываются крайне неблагоприятно: в раннем детстве она остается круглой сиротой, потом, став взрослой, переживает несколько драматических эпизодов – из-за досадной ошибки вынуждена отказаться от любимой профессии, не находит счастья в любви и, наконец, после аварии на производстве становится калеккой. Но при этом Москва все равно счастлива, даже тогда, когда «жизнь тяжелее, чем можно выдумать» [4, с. 43], – и именно потому, что она ощущает себя частью общего жизненного потока, органическим элементом «вещества существования».

В «Чевенгуре» и «Котловане» Платонов исследовал определенную «породу» людей – тех,

⁷Платонов А.П. Счастливая Москва. М., 2010. С. 333.

⁸Платонов А.П. Чевенгур. М., 2004. С. 116.

кто хотел бы изменить мир, построить на рациональных основаниях мир новый, счастливый: таковы сами чевенгурцы, таков Пашинцев, таков «Федор Достоевский», который все думает и думает о том, как правильно устроить социализм. Герои «Котлована» тоже жаждут рационального преобразования мира, и чертеж общепролетарского Дома становится для них неким чертежом всеобщего счастья. Можно вспомнить еще одного колоритного персонажа «Котлована» – активиста, который «снаружи от себя старался организовать счастье». А в «Счастливой Москве» Платонов исследует совсем другой тип восприятия действительности, другой тип отношения к ней. В центре его внимания здесь – личность, для которой органика жизни значительно ценнее и дороже, чем любые схемы. Поэтому вполне закономерно, что на первом плане в этом романе оказывается женский образ – именно внутренний мир женщины традиционно ассоциируется с преобладанием эмоций над аналитическим компонентом.

Не случайно лейтмотивным при характеристике Москвы становится образ бьющегося сердца: в тексте постоянно упоминается о том, как громко и радостно стучит сердце Москвы Честновой. Этот мотив возникает еще при описании ее детских ощущений («от наблюдения облаков и пространства в груди Москвы начиналось сердцебиение»⁹), он же становится характеристикой образа Москвы-парашютистки («это прилетела из воздуха Москва; вчера он слышал ее равномерное, гулкое сердце»¹⁰) и повторяется во многих других сценах романа: так, к Божко Москва приходит «с прежним громким сердцем»¹¹. Еще один эпизод, где вновь появляется этот мотив – на вечере в клубе, с Самбикиным:

– Отчего у вас сердце так стучит?.. Я его слышу!

– Оно летать хочет, и бьется, – с улыбкой прошептала Москва Самбикину¹².

И, конечно же, неслучайно в образе Москвы подчеркивается ее соотнесенность, соединенность с природой. Лейтмотивы главной героини (помимо образа бьющегося сердца, который становится наиболее значимым) – воздух, солнце, ветер. Эти мотивы сконцентрированы уже в одной из первых характеристик Москвы Честновой на страницах романа: «Из природы ей нравились больше всего ветер и солнце. Она любила лежать где-нибудь в траве и слушать о том, что шумит ветер в гуще растений»¹³. Особенное значение в тексте романа приобретает именно образ солнца, исключительно значимый для Платонова в целом. Солнце в его текстах часто ассоциируется с темой счастья. Достаточно вспомнить «Чевенгур», например, тот эпизод, когда чевенгурцы выходят встречать рассвет: им кажется, что солнце – это и есть чаемый «коммунизм», и вместе с рассветом придет столь желанная новая жизнь (здесь «обыгрывается устойчивое словосочетание революционной эпохи «солнце новой жизни» [5, с. 280]).

Также и для Москвы солнце – это воплощение нового, счастливого времени. «Каждое утро, просыпаясь, Москва Честнова долго смотрела на солнечный свет в окне и говорила в своем помышлении: “Это будущее время настает”, и вставала в счастливой безотчетности, которая зависела, вероятно, не от сознания, а от сердечной силы и здоровья»¹⁴. Те же сцены романа, в которых нет солнца, все равно оказываются светлыми, потому что вместо солнечных лучей здесь появляется свет электрический: «“Счастливая Москва” – может быть, и не самый

⁹Платонов А.П. Счастливая Москва. М., 2010. С. 601.

¹⁰Там же. С. 606.

¹¹Там же. С. 607.

¹²Там же. С. 628.

¹³Там же. С. 601.

¹⁴Там же. С. 607.

“электрический” текст Платонова, но и здесь электрический свет становится очень актуальным компонентом цвето- и светообразия реальности 30-х годов» [6, с. 181].

Характерно, что в «Котловане» – повести глубоко пессимистической – почти нет света. С первых страниц «Котлована» читатель погружается в вечер и ночь: так, к строителям котлована в барак Вошев приходит в полночь. Многие сцены повести также разворачиваются ночью: например, о мыслях и переживаниях инженера Прушевского читатель узнает, когда Прушевский, мучаясь бессонницей, выходит «из своей чертежной конторы во время ночной тьмы»¹⁵; ночью Чиклин находит Настю и ее умирающую мать; к деревенскому активисту Чиклин приходит, шагая «через тьму колхозной ночи»¹⁶. Одна из ключевых сцен повести – активист сгоняет всех кулаков деревни на плот, чтобы отправить в море, – совершается тогда, когда «ночь покрыла весь деревенский масштаб»¹⁷, когда «ночь стояла смутно над людьми»¹⁸. Значительная часть действия «Котлована» происходит в темноте, а солнечный свет мерцает лишь в прошлом, в детских воспоминаниях Чиклина: «Солнце детства нагревало тогда пыль дорог, и своя жизнь была вечностью»¹⁹. Таким образом, в «Котловане» – темном, ночном, бессолнечном – сама возможность достижения счастья ставится под сомнение.

В «Счастливой Москве» Платонов вновь размышляет о возможности, осуществимости счастья, хотя и темных, ночных сцен здесь достаточно много. Нельзя не обратить внимания на то, что роман начинается со слова «темный»: «Темный человек с горящим факелом бежал по улице в скучную ночь поздней осени». Это

была ночь, когда «началась октябрьская революция – в том городе, где жила тогда Москва Ивановна Честнова»²⁰. Роман начинается ночными, мрачными красками, и только потом его страницы постепенно посветлеют и наполнятся солнцем.

Из первых строк романа читатель узнает о том, что Москва Честнова родом из Петрограда (хотя сама она не помнит этого). Почему Платонову так важно указать место рождения главной героини? Петроград – город революции, город, где начались столь драматические, фатальные перемены. Платонов размышляет о том, приведут ли эти перемены к справедливости и благополучию, действительно ли Москва – героиня его повести, а вместе с ней Москва-столица и вся страна – станет счастливой, вправду ли роковые события, начавшиеся в октябре 1917 года в Петрограде, откроют дорогу к прекрасному будущему.

Роман «Счастливая Москва» продолжает общую проблематику творчества Платонова: он наполнен размышлениями о счастье, о том, достижимо ли оно и на каких основаниях должна быть построена новая счастливая жизнь. И что такое счастье – верно найденные рациональные каноны, по которым можно и нужно организовывать человеческую деятельность, или приятие жизни как таковой, чувство причастности к общему жизненному потоку, идущему часто прихотливо, рационально необъяснимо, а иногда, как кажется, и жестоко, и несправедливо? Ответ, который дает Платонов в романе «Счастливая Москва», свидетельствует об эволюции внутреннего мира писателя, контуры которой определяются началом 1920-х (время создания ряда очерков и поэтических текстов), рубежом 20–30-х («Чевенгур», «Котлован») и серединой 30-х годов («Счастливая Москва»).

¹⁵Платонов А.П. Счастливая Москва. М., 2010. С. 350.

¹⁶Там же. С. 397.

¹⁷Там же. С. 417.

¹⁸Там же. С. 421.

¹⁹Там же. С. 375.

²⁰Там же. С. 599.

Список литературы

1. Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003. 358 с.
2. Голубков М.М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М., 2008. 368 с.
3. Абашева М. «Пропаду среди всех!» (А. Платонов и сюжет «ухода» в русской прозе XX века) // «Страна философов» Андрея Платонова. М., 1999. Вып. 3. С. 350–357.
4. Чалмаев В.А. Андрей Платонов. М., 1978. 176 с.
5. Фатющенко В.И. А.П. Платонов // История русской литературы XX века (20–90-е годы). Основные имена. М., 1998. 480 с.
6. Фоменко Л. Краски и звуки «Счастливой Москвы» // «Страна философов» Андрея Платонова. М., 1999. Вып. 3. С. 176–185.

References

1. Skorospelova E.B. *Russkaya proza XX veka: ot A. Belogo ("Peterburg") do B. Pasternaka ("Doktor Zhivago")* [Russian Prose of the Twentieth Century: From A. Bely (*Petersburg*) to B. Pasternak (*Doctor Zhivago*)]. Moscow, 2003. 358 p.
2. Golubkov M.M. *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki XX veka (1920–1990-e gody)* [The History of Russian Literary Critics of the Twentieth Century (1920s – 1990s)]. Moscow, 2008. 368 p.
3. Abasheva M. "Propadu sredi vsekh!" (A. Platonov i syuzhet "ukhoda" v russkoy proze XX veka) ["I'll Disappear Among Them All!" (A. Platonov and the Motif of Departure in the Russian Twentieth-Century Prose)]. "*Strana filosofov*" *Andreya Platonova* [The Land of Philosophers by Andrei Platonov]. Moscow, 1999. Iss. 3, pp. 350–357.
4. Chalmaev V.A. *Andrey Platonov*. Moscow, 1978. 176 p. (in Russian).
5. Fatyushchenko V.I. A.P. Platonov. *Istoriya russkoy literatury XX veka (20–90-e gody). Osnovnye imena* [The History of Russian Literature of the Twentieth Century (1920s – 1990s). Key Names]. Moscow, 1998. 480 p.
6. Fomenko L. Kraski i zvuki "Schastlivoy Moskvoy" [The Colours and Sounds of *Happy Moscow*]. "*Strana filosofov*" *Andreya Platonova* [The Land of Philosophers by Andrei Platonov]. Moscow, 1999. Iss. 3, pp. 176–185.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.120

Dar'ya V. Krotova

Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, str. 53, Moscow, 119991, Russian Federation;
e-mail: da-kro@yandex.ru

A. PLATONOV'S NOVEL *HAPPY MOSCOW* IN THE CONTEXT OF HIS WORKS OF THE 1920s – 1930s

This article studies the general topics of Andrei Platonov's novel *Happy Moscow* and the reflection in it of one of Platonov's key themes: happiness. The paper analyses the interpretation of this theme in *Happy Moscow* in comparison with Platonov's other major works, *Chevengur* and *The Foundation Pit* in the first place. In his works of the late 1920s and early 1930s, Platonov reflects on the rational models of building a new happy society, whether they are possible or acceptable.

For citation: Krotova D.V. A. Platonov's Novel *Happy Moscow* in the Context of His Works of the 1920s – 1930s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no. 6, pp. 120–127. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.120.

In *Happy Moscow*, however, the writer focuses on the idea of the organic flow of life. Justifying this statement, the author of this article pays particular attention to reveal the main character of the novel: Moscow Chestnova. The image of Moscow is also considered in the context of Platonov's works of the 1920s – 1930s; the paper studies not only its importance in the system of the novel's characters, but also its relationship with other characters of Platonov's major works of that time and Russian literary tradition of the preceding period. The author of this paper argues that the defining traits of Moscow Chestnova's character and consciousness are the ability to perceive the organic nature of life and the sense of belonging to the common stream of life, which allows her to feel happy under any circumstances. The main idea of the article is proved through the analysis of the novel's leitmotif system: the author identified a range of motifs in *Happy Moscow*, investigated their role and significance in revealing the main idea of the novel, as well as the semantic content of certain leitmotifs in Platonov's works in general.

Keywords: *A. Platonov, Happy Moscow, Chevengur, The Foundation Pit, theme of happiness, leitmotif system, social problems.*

Поступила: 16.01.2016
Received: 16 January 2026